

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138

«Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования*

П.С. Сорокин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Потаповский пер., 16, стр. 10, Москва, 101000, Россия
(e-mail: psorokin@hse.ru)

На фоне глобальной пандемии и ее ожидаемых последствий задачи интервенций в наметившуюся негативную структурную динамику на макроуровне стоят перед всем институциональным комплексом современных обществ. Для сферы образования это означает необходимость вклада в «трансформирующую агентность», т.е. такого типа «действие», которое инициативно трансформирует «структуры» и потому может помочь перейти к новым, более эффективным формам во всех сферах общественной жизни. Внимание к «действию» и его трансформационному потенциалу по отношению к «структурам» в социальной науке до сих пор ограничено в сравнении с исследованиями структурной устойчивости и воспроизводства. Разработки так называемых «новых институционалистов» в социологии (включая, прежде всего, Джона Мейера и его последователей) формируют потенциально перспективную основу для выстраивания новых теоретических моделей и эмпирических исследований, направленных на изучение содержания, факторов формирования и эффектов «трансформирующей агентности». Основная идея Мейера состоит в том, что на современном этапе социальная структура может не только «подавлять», но и поддерживать, легитимизировать инициативное формирование новых социальных образований и утверждение связанных с ними новых ценностей и форм «действия». Для исследований в поле образования особенно полезным может быть обращение к понятиям институционального предпринимательства, институциональной работы и расширенного действия. В качестве возможных объектов исследований с опорой на предлагаемую концептуальную рамку могут выступать, во-первых, активно продвигаемые сегодня на глобальном и национальном уровне инициативы по обучению предпринимательству студентов, во-вторых, процессы, связанные с изменением институциональных условий образования в контексте продолжающейся глобальной пандемии и возможной проактивной роли студентов в этих изменениях.

Ключевые слова: структура-действие; тренды социально-экономического развития; де-структуризация; трансформирующая агентность; новый институционализм; институциональная работа; институциональное предпринимательство

Первые десятилетия XXI века даже без учета периода глобальной пандемии 2020 года характеризовались негативными трендами социально-экономической динамики: снижение темпов роста ВВП на глобальном и, для

* © Сорокин П.С., 2021

Статья поступила 13.07.2020 г. Статья принята к публикации 26.11.2020 г.

большинства стран, национальном уровне, усиление социального неравенства [7], кризис доверия политическим структурам [34], обострение социальных рисков [8]. Социологическая теория фиксирует рост нестабильности и неустойчивости социальных систем, появление все более существенных разрывов в «социальной ткани», например, описывая эти процессы через понятие «метаморфизации» [6. С. 201–202].

В ситуации нарастающих кризисных тенденций, усиленных глобальной пандемией, увеличивается теоретическая и практическая актуальность вопросов о перспективах позитивных структурных трансформаций и их возможных источниках. Сфера образования (несмотря на ассоциированные с ней идеи прогресса и социальной справедливости [32]) — один из ключевых институтов, обеспечивающих не только совершенствование, но и воспроизводство существующих (не всегда справедливых, иерархических) порядков [7]. Кроме того, современные исследования указывают на архаичность содержания и форматов образования (в том числе в России), поэтому эта сфера не только не всегда выступает драйвером развития экономики и общества, но и зачастую неспособна отвечать на те требования, что уже предъявляет рынок труда и социальная среда [27].

Тем не менее, в разных странах появляются масштабные инициативы, нацеленные на поддержку вклада образования в социально-экономическую динамику. В частности, в России запущены массовые проекты обучения студентов вузов предпринимательству [см., напр.: 5; 10]. И все же эффективность этих и подобных инициатив как в России, так и в мире вызывает вопросы [10; 33]. В статье представлен дискуссионный взгляд автора на современные исследования, связанные с таким типом действия, который принято называть «трансформирующей агентностью» (действие, проактивно меняющее структуры), с акцентом на роли образования в его формировании. Автор стремится решить две задачи: во-первых, предложить краткий обзор социологических подходов к проблеме связей между «структурой» и «действием», которые во многом задают тон и дискуссиям об образовании, причем автор пытается отметить не только явно артикулируемые характеристики социологического дискурса, но и имплицитные, менее очевидные. Во-вторых, обосновывается перспективность конкретного направления социологического теоретизирования, связанного с идеями американского социолога Дж. Мейера и его сторонников, для изучения вклада образования в структурную динамику посредством формирования и поддержки «трансформирующей агентности».

Вопрос о соотношении действия (*agency*) и структуры (*structure*) — один из наиболее важных в социальной науке [Под «структурой», следуя П. Штомпке ([4. С. 4]), понимается «сеть устойчивых и регулярных связей между элементами в какой-либо области реальности, существенным, образом влияющая на развитие явлений, наблюдаемых в этой области». В трактовке «агентности» используется следующее рамочное определение: «Ограниченный во времени процесс социальной включенности, связанный с прошлым,

но также ориентированный в будущее и на настоящее» ([19. С. 962]). Особенно ценным в данной трактовке «агентности» является выделение «проективной» способности, связанной с воображением альтернативных возможностей [19. С. 962]]. Начиная с Конта, Маркса и Дюркгейма, колея исторического развития социологического теоретизирования обусловлена, с одной стороны, стремлением понять и объяснить становление современных форм социальной организации (например, государственной бюрократии), с другой стороны, соседством с дисциплинами, ставящими в центр внимания индивида, а не структурные образования (психология, отдельные направления философии в XIX веке, несколько позже — экономики). На этом фоне не случайна и обоснована predisposition многих социологов интересоваться, прежде всего, развитием структур как отдельных «сущностей» — социология сделала их предметом самостоятельного анализа.

Несмотря на это, общим местом современных дискуссий выступает признание как «действия» (*agency*), так и «структуры» (*structure*) в качестве обязательных элементов, без упоминания которых практически не обходятся попытки построения больших социологических теорий. Однако не менее устоявшимся, зачастую в неявном виде, является и консенсус в отношении того, что «структура важнее». Это проявляется, в частности, в том, как старательно авторитетные социологи порой пытаются избежать трактовок своих теорий как «переоценивающих» силу действия. Например, Р. Коллинз, автор теории о «цепочках ритуалов интеракции» (*interaction ritual chain*), подчеркивает: «Я совершенно не имею ввиду, что высшие классы — это особенно энергетически заряженные индивиды: они продукты процессов, которые влияют на всех нас и в которых все мы (с очень большой вероятностью) легко взаимозаменяемы» [26. С. 43].

Пожалуй, наиболее авторитетные подходы к рассмотрению связи между «структурой» и «действием» в современной социологии уходят корнями в разработки П. Бурдьё [2] и Э. Гидденса [4]. Для них, как и для большинства представителей мирового социологического мейнстрима, характерно представление, что структуры меняются скорее в силу естественных, характерных для них самих (и их взаимодействия) закономерностей, нежели чем благодаря «свободной воле» индивидуальных акторов. Другой тезис, имплицитно характеризующий социологический мейнстрим, состоит в том, что среди тенденций структурных трансформаций доминируют те, что работают в пользу верхов и против низов, т.е. подразумевается принципиальная ограниченность действия в трансформации структуры — как минимум, на нижних этажах социального здания. Впрочем, и оптимистичный взгляд на социальную динамику, по крайней мере в долгосрочной перспективе, был присущ многим классикам социологии, включая О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, К. Маркса, а также основателям российской социологии — М.М. Ковалевскому, Н.М. Михайловскому и многим другим [36; 38].

Гидденс и Бурдье предложили оригинальный взгляд на соотношение структуры и действия, предположив, что они не просто взаимообусловлены, но онтологически слитны. Для Бурдье это выражено в понятии габитуса, который, будучи локализован физически в индивидуе, является продуктом социальных полей, что позволяет вскрывать глубинные, зачастую неосознаваемые механизмы, связанные со вкусами и предпочтениями, через которые силы структурной детерминации воспроизводят базовые иерархические различия в социальных полях. Для Гидденса главное понятие — структурация, т.е. буквально структурирование в действии, однако в этой паре структурные условия первичны, а возможности действия ограничены. Такой подход вызывает вопросы на фоне двух рассматриваемых ниже тенденций современности.

Ни одна из описанных ниже тенденций не станет открытием для читателя, следящего за результатами современных социальных исследований. Вместе с тем эти тенденции (по крайней мере, пока), не осмысляются социологическим сообществом как основания для пересмотра базовых представлений о соотношении структуры и действия. Первая тенденция касается продолжающейся культурной легитимации действия, меняющего структуры (или «трансформирующей агентности»). Идея о том, что человек — это имеющий четкие границы, обособленный актер, действующий в соответствии с самостоятельно поставленными целями, глубоко укоренена в западной культуре [31]. На постсоветском пространстве этот взгляд распространился в 1990-е годы, хотя и прежде имел сторонников. Общественная риторика вокруг неолиберализма, активизировавшаяся в последние годы в России и мире [37], несмотря на критику идеи рынка как идеальной формы социального взаимодействия, в значительной степени опирается на ту же идеологию эмансипированного и созидательного актора, т.е. не подрывает сложившегося образа целенаправленного самостоятельного субъекта. Подтверждением глобального культурного тренда на либерализацию служат данные одного из наиболее масштабных и авторитетных международных проектов по изучению ценностной сферы — Всемирного исследования ценностей, которое показывает устойчивый (хотя и медленный) рост ценностей самовыражения (а не выживания) и секуляризации/рационализма (а не традиционализма). Этот тренд, несмотря на высказываемые сомнения в его прямолинейных интерпретациях (например, как индикатора растущей массовой готовности к трансформационному действию), характерен как для мира в целом, так и для России [12; 13].

Вторая тенденция характеризует трансформации самой социальной структуры в самых разных сферах. Те жесткие «организованности», которые составляли каркас общества модерного типа с конца XIX века до 1960–1970-х годов (когда были созданы наиболее влиятельные сегодня теоретические концепции о «структуре-действии»), становятся более гибкими и изменчивыми [9], например, на рынке труда все больший вес приобретает нестандартная занятость и фриланс. Процессы «деструктуризации» (снижения стабильности,

жесткости структур и их обязывающей силы по отношению к действию) протекают и в других сферах общественной жизни, включая досуг, семейную жизнь и образование [9]. Ярким катализатором этого тренда стала продолжающаяся глобальная пандемия, которая заставила миллионы людей по всему миру учиться, работать и отдыхать в принципиально других условиях, когда традиционные механизмы социального контроля или прекратили работать (например, непосредственное взаимодействие учащихся в классе) или существенно снизили эффективность (например, контроль педагога за списыванием и другими формами академического мошенничества). Как показало исследование, проведенное НИУ ВШЭ в конце мая 2020 года, трети российских студентов сложно сосредоточиться при самостоятельном изучении материала, хотя в марте доля таковых составляла 27% [1]. Дефицит самостоятельности, готовности предложить и внедрить новшество в организационные модели, не дожидаясь сигнала сверху, стал важной проблемой и для руководства вузов [1].

Таким образом, опыт пандемии показал важную роль способности действовать самостоятельно для поддержания функционирования тех структур, которые, согласно привычным представлениям критически настроенных авторов, напротив, подавляют самостоятельность. Подчеркнем, востребованной оказалась не просто способность делать самому то, что ранее обеспечивалось дополнительными инструментами контроля, но и способность делать это по-другому — например, умение самостоятельно освоить и практически применить новый учебный контент, не потеряв при этом мотивацию к учебе.

Опираясь на идеи, высказанные, с одной стороны, П. Штомпкой [11], с другой — Дж. Мейером [32], можно предположить, что проблема соотношения структуры и действия может решаться тремя способами, порождая, соответственно, три исследовательские программы. Первая программа — искать структуру в действии. Это базовое для социологического мейнстрима направление, предполагающее дальнейшую разработку вопросов о том, как силы структурной детерминации подчиняют человека и его поведение. В своем классическом виде эта исследовательская программа если и предполагает возможность «трансформирующей агентности», то лишь в жестко ограниченной степени («трансформирующая агентность» — не основной тип социального действия).

Вторая программа признает относительную онтологическую самостоятельность действия и рассматривает структуры как производные от действия. Как отмечал Штомпка [11], возрастает интерес к тому, как действие определяет структуры, с опорой, например, на «активистские» интерпретации теории К. Маркса и на идеи М. Вебера. И все же, несмотря на важность вопроса о том, «как люди делают структуры», «полного ответа на этот вопрос пока нет и до него, пожалуй, еще далеко» [11. С. 12]. Штомпка считает, что теоретико-методологический фундамент такой постановки вопроса можно найти у Вебера. Из относительно новых разработок теория «полей стратегического

действия» (*strategic action fields*) Н. Флигстина и Д. МакАдама [21] является, пожалуй, одной из наиболее развернутых попыток утвердить «самостоятельность» действия в социальной теории. В частности, авторы дистанцируются от существующих версий теории полей и теории структуризации, поскольку исходят из самостоятельности действия (атрибут не только индивидов, но и организаций), и предполагают принципиально «изменчивый и конфликтный» характер социального пространства [21. С. 5]. В их трактовке структуры выступают конфигурациями акторов, движимых стремлением улучшить собственные властные позиции в социальном поле. При этом особое значение имеет так называемый «социальный навык» — способность вовлекать других в коллективное действие в своих интересах. Для Флигстина и МакАдама действие автономно и первично по отношению к структуре как конфигурации акторов; соответственно, структурные трансформации — это исключительно изменения этой конфигурации. Впрочем, данный подход слишком упрощенно трактует как действие, так и структуру, что делает его применимым, прежде всего, к анализу политических социальных движений в контексте западных обществ, но не более широкого пространства вариаций социальной жизни [22].

На стыке первой и второй программ, отчасти сочетая черты обеих, располагается институциональная теория П. ДиМаджио и У. Пауэлла [17; 18], которые признают и структуру, и действие в качестве ключевых аспектов социальной реальности, отмечая, с одной стороны, укорененность действия в структуре, с другой — относительную самостоятельность, обособленность действия. В трактовке структуры они, в соответствии с социологическим мейнстримом, подчеркивают значение скорее жестких (как формальных, так и неформальных) «правил игры», в явном виде осознаваемых игроками в социальном поле, чем более глубоких культурных представлений, включая идею легитимного и самостоятельного актора как таковую. Например, культура ДиМаджио и Пауэлла — это часть внешней среды, с которой акторы считаются, но она не определяет содержание их собственных целей и стратегий [17; 18; 32].

Третья возможная программа состоит в том, чтобы попытаться посмотреть на структуру как на более сложный феномен, который не является простой конфигурацией самостоятельных акторов или совокупностью внешних по отношению к индивиду с его внутренним потенциалом действия обстоятельств или условий, суммирующих усилия индивидуальных действий в прошлом. Для обоснования этой программы можно обратиться к разработкам нового институционализма в его интерпретации Мейером и его коллегами [30; 31; 32; 35; 38]. Мейер отказывается от важной предпосылки, имплицитно заложенной в доминирующей традиции изучения связи структуры и действием — будто структуры по определению заточены на воспроизводство самих себя, или же «естественная» для структур динамика изменений имеет относительно предсказуемый вектор (например, рост рациональности или специализации). Индивиды или отдельные социальные группы могут

использовать эту структурную динамику в своих интересах, опираться на нее или сопротивляться ей (как правило, с небольшим успехом), но их усилия вторичны по отношению к свойственным самой структуре закономерностям развития.

Ключевая (и отчасти парадоксальная) идея Мейера состоит в том, что поддержка трансформирующего действия — основной элемент социальной структуры современности [30; 31; 32]. Согласно Мейеру, структурная динамика современных обществ определяется массовым распространением идеи индивидуальной и организационной агентности (которую автор порой называет не *agency*, но *actorhood*, делая акцент на понятии актора). Суть этой агентности (или акторности) в том, что каждый актор (будь то государство, корпорация или человек) позиционируется как легитимный субъект, который не только имеет право на изменение среды в соответствии со своими целями и ценностями, но от которого это ожидается. При этом, в отличие от прежних стадий развития современного общества, когда распространение новых социальных форм происходило (вернее осмыслялось в социальной теории) прежде всего как копирование, перенос в новые среды уже существующих структур, естественным образом вызревших в странах или компаниях-лидерах, сегодня картина меняется и усложняется [30]: современные организации и целые государства становятся более открытыми для изменений (отчасти в продолжение двух обозначенных выше тенденций). Например, Япония на государственном уровне обсуждает планы создания «общества 5.0» (*society 5.0*) — сфокусированного на человеке, где технологические достижения позволяют убрать привычные для XX века структурные барьеры и неравенство, дают каждому человеку возможность жить «целенаправленной и креативной жизнью» [15. С. 13], и ключевое значение имеет «совместное становление человека вместе с другими» [16. С. 141]. Таким образом, с исчезновением привычных социальных структур не исчезает социальность как таковая — «люди имеют возможность трансформации себя в любом направлении.., фиксированной цели для нового становления не существует» [16. С. 141]. Даже учитывая возможную идеологическую ангажированность и утопичность такого рода заявлений, они показывают растущую легитимность идей «трансформирующей агентности» на государственном уровне.

В более приземленной сфере — на рынке труда — также появляются признаки изменения привычной жесткой регламентации действия со стороны структуры. Среди профессионалов наиболее востребованными и высокооплачиваемыми становятся не только те, кто владеет узкоспециальными, но типовыми навыками, но и люди с уникальным портфолио, определяемым не сертифицированными техническими компетенциями, а неповторимым проектным опытом (необязательно успешным) [39]. Для когорты руководителей это применимо в еще большей степени — не случайно в менеджерском дискурсе происходит разворот к моделям лидерства, основанного на нестандартных решениях, харизме, креативности и риске [39].

Таким образом, социальная структура становится источником той «трансформирующей агентности», что ее изменяет. Истоки этого тезиса можно обнаружить уже в концепции классовой борьбы Маркса и в теории становления капитализма Вебера [3]. Однако важное отличие теории Мейера — в обосновании возможности существенных, разнообразных и быстрых трансформационных эффектов действия на структуру, причем мало предсказуемых, поскольку они находятся в фундаментальной зависимости от осознанного выбора акторов. Также, в отличие от «реалистской» интерпретации институтов [17; 18], социальная структура для Мейера не пассивный объект, вмещающий в себя активных акторов, но среда, легитимизирующая их «трансформирующую агентность».

В отличие от Вебера, который считал рациональность главным принципом формирования современности, у Мейера этих принципов намного больше. Во-первых, он понимает рациональность иначе, чем рыночную логику эффективности, и предполагает широкий набор ценностных ориентаций и требований, следование которым может ограничивать эффективность деятельности в техническом смысле (например, для компаний, которые стремятся обеспечить отсутствие дискриминации и заботятся об окружающей среде). Во-вторых, Мейер утверждает, что сегодня структуры сами открываются для трансформирующей их агентности, не детерминируя ее строго определенным образом и не направляя в узко предопределенную колею. Интерпретируя идеи Мейера, можно предположить, что даже наблюдаемый сегодня в ряде дискуссий антилиберальный разворот — проявление агентности, трансформационный потенциал которой выходит за пределы либеральной идеологии, ее изначально стимулировавшей или породившей.

Разумеется, согласно Мейеру, акторы учитывают существующую палитру структурных возможностей, однако пространство легитимных (допустимых) вариантов действия (с точки зрения целей и средств) в современных условиях резко расширяется [30]. Например, для предпринимателя, принимающего решение об инвестиционной стратегии, может быть важен не только рост прибыли, но и социальная, экологическая ответственность, вклад в развитие науки и т.п. Кроме того, возможность предложения и продвижения новых целей и средств социального действия также легитимизирована [30]. Принципиальное отличие взглядов Мейера от других авторов, подчеркивающих взаимосвязь структуры и действия, состоит в идее, что современные структуры не столько ограничивают или направляют агентность, сколько стимулируют ее расширение и развитие, нацеленное не только на воспроизводство сложившихся структур, но и на их изменение.

Вероятно, для многих социологов основным достижением нашей науки в XX и XXI веках является разоблачение мифов о том, что мы живем в обществе равных возможностей, где декларированные права соблюдаются и шансы на жизненный успех равны [7]. Однако не менее важны и разработки (концепция Мейера), нацеленные на понимание механизмов и факторов,

благодаря которым изменение структуры через действие становится возможным, и сфера образования представляет особый интерес. Она исторически была объектом внимания многих известных ученых, показавших роль образования в социальном воспроизводстве и «сортировке» индивидов по тем структурным ячейкам, которые предназначены для них не всегда справедливо устроенными общественными структурами. Однако, как отмечает Мейер, сфера образования имеет решающее значение не только для формирования в человеке умений, которые позволят ему «функционально» соответствовать требованиям окружающих структур (в логике человеческого капитала в его традиционной экономической трактовке), но и для распространения представлений о человеке как «хозяине Вселенной» [32]. Особое значение для сторонников этого взгляда имеет высшее образование, которое легитимизирует принципы прогресса, свободы и рациональности — зачастую вопреки локальным институциональным системам и реальным условиям, что порой порождает конфликты и становится стимулом для изменений.

Мейер и его коллеги собрали эмпирические свидетельства нарастающей фокусировки школьных образовательных программ с 1950-х годов на вопросах индивидуального действия, демократизации и эмансипации [29], а также курса на студенто-центрированный (*student-centric*) подход в методиках обучения социальным наукам более чем в 70 странах мира [14]. Этот подход предполагает позиционирование учащегося не как пассивного получателя информации, а как актора, от которого ожидается выработка собственной позиции, осознание своего интереса и следование ему в соответствии с легитимно приписанными правами. Указанный интерес предполагает не только максимизацию полезности в ее привычном экономическом понимании, но и широкий пласт вопросов, включая содействие изменению социальных систем в соответствии с ценностями прогресса и прав человека [14].

Разумеется, продвижение в содержании школьных программ «прогрессивного» (с точки зрения либеральной идеологии) образа человека необязательно означает соответствующие изменения в социальной структуре. Представители разных слоев могут иметь разные шансы эффективно проявить свою легитимную «трансформирующую агентность» (что объясняет сохранение неравенства, несмотря на рост охвата образованием). И все же глобальное распространение соответствующих культурных стандартов не должно игнорироваться, как и ключевая роль образования в этих процессах.

Особого внимания заслуживают результаты недавнего эмпирического исследования Мейера и его коллег [35], которое показало статистически значимые связи между распространением (прежде всего третичного) образования и его социетальными эффектами на макроуровне — как с точки зрения экономических показателей (изменение структуры и темпов роста экономики), так и с точки зрения развития культуры, гражданского общества, экологической озабоченности и т.д., что косвенно подтверждает тезис о роли образования не только как подхватывающего, но и как стимулирующего и

инициирующего структурные трансформации в современном мире. Для понимания механизмов таких изменений необходимо обратиться к понятиям, специально разработанным в новой институциональной теории, включая и концепцию ДиМаджио [17; 18].

На сегодняшний день представителям институционализма (во всех его вариациях) не удалось разработать единую целостную теорию, объясняющую механизмы «трансформирующей агентности», в том числе сторонникам и последователям Мейера [20; 21], но они движутся к этой цели достаточно быстрыми темпами [30; 35]. К ключевым достижениям этого кластера теоретических разработок можно отнести концептуализацию и эмпирическую проверку ряда понятий, раскрывающих различные аспекты изменения структуры через действие. Например, понятие расширенного действия (*expanded actorhood*) определяет ключевой вклад университетов и высшего образования в целом в социальное развитие. Условно «расширенное действие» — это действие, выходящее за пределы актуальных структурных границ, противоречащее локальным (в том числе национальным — для развивающихся обществ) структурным контекстам, но при этом культурно укорененное в глобальных стандартах рациональности и прогресса. Таким образом, (воображаемая глобальная) культурная легитимность сочетается с конфликтом с локальными структурами (рынком труда или политической системой), и именно такой тип действия массово формируют университеты [32; 35].

Этот подход не соглашается с традиционным тезисом теории человеческого капитала об особом значении узкопрофессиональных навыков [27] как главного результата высшего образования, что определяет его решающую роль в модернизации. Для Мейера и его коллег формирование ценностей, установок и картины мира может быть более важным эффектом образования с точки зрения его вклада в социально-экономическую динамику. Однако ни российская, ни зарубежная социология пока не рассматривает в этом контексте результаты и содержание высшего образования, хотя он позволяет сформулировать ряд вопросов: скажем, действительно ли высшее образование отвечает скорее на культурный запрос глобального мира, чем на структурный запрос национального рынка труда? Теория человеческого капитала и концепция Мейера порождают диаметрально противоположные ответы на этот вопрос. Особый интерес представляет вопрос о возможных вариациях трансляции идей «расширенного действия» в зависимости от престижности вуза и направления подготовки. Например, большую склонность к «расширенному действию», предположительно, будут испытывать студенты, обучающиеся на социально-экономических направлениях (по сравнению с техническими), поскольку содержание университетского образования здесь в более явном виде продвигает «трансформирующую агентность». Эта гипотеза может быть полезна и для объяснения, почему в таких странах, как Россия, расширение высшего образования за счет, прежде всего, технических, инженерных направлений не приводит к ожидаемым трансформационным эффектам (например, в виде роста технологического предпринимательства [10]).

Наиболее активно в современном институционализме развиваются исследования таких конструктов, как «институциональное предпринимательство» (*institutional entrepreneurship*) — сознательные, целенаправленные усилия отдельных (как правило, влиятельных) индивидов и организаций по трансформации социальных структур и созданию новых масштабных институтов, включая, например, новые юридические нормы или международные организации [24], — и «институциональная работа» (*institutional work*) — целенаправленные усилия акторов, но с акцентом преимущественно на институтах меньшего масштаба (например, коммерческих организациях) и микроуровне социальной реальности (субъективное восприятие институциональной динамики) [23; 30]. Несмотря на то, что в литературе эти два понятия представлены скорее как конкурирующие, чем как взаимодополняющие, перспективным представляется рассмотрение институционального предпринимательства и институциональной работы как разных типов «трансформирующей агентности».

Понятие институционального предпринимательства появилось в институциональной теории, предложенной ДиМаджио [17; 18]. Для Мейера трактовка ДиМаджио — «реалистская», поскольку акторы рассматриваются как автономные от культурной среды агенты, преследующие личные интересы — в противовес феноменологическому толкованию, которое подчеркивает роль культуры как фактора, задающего не только контекст, который учитывают акторы, но и природу самих акторов (в том числе, парадоксальным образом, их ориентацию на трансформацию этого контекста [32; 30; 38]). Концепцию институционального предпринимательства отличает трактовка институционального предпринимателя как героя-одиночки, что не вполне соответствует коллективному характеру социального действия. Для наиболее известных работ этого направления характерен интерес к истории формирования отдельных институтов, привлекающих к себе повышенное внимание в силу своего политического значения, инновационности или масштаба (формирование Европейского Союза, продвижение на государственном уровне экологической повестки, создание институтов социального инвестирования [24] и др.).

При всей важности указанных тем не менее интересно применение рассматриваемой призмы к более массовым феноменам, например, к обучению предпринимательству студентов [10; 33]. На сегодняшний день поле факторов, влияющих на успех проектных инициатив студентов, остается недостаточно систематизированным, отсутствует общепризнанная теоретическая рамка для понимания механизмов формирования предпринимательских компетенций студентов [27; 33]. Полезным может оказаться, например, различение двух типов проектной деятельности: той, что организована как следование заранее заготовленному шаблону (с прохождением predetermined этапов), и той, что предполагает разработку собственного подхода (более «чистое» институциональное предпринимательство). Также можно развести проектную деятельность, ориентированную на внутреннего заказчика

(преподаватель), — как институциональное предпринимательство особого типа (квазипредпринимательство), и проекты для внешнего рынка. В целом можно предположить, что недостаточная практика последнего типа институционального предпринимательства — одна из причин невысокой эффективности обучения предпринимательству. Другая причина — разная степень усвоенности принципов «расширенного действия» в студенческой среде, в том числе с учетом профиля подготовки.

Понятие «институциональная работа» первоначально понималось как «целенаправленные действия индивидов и организаций по созданию, поддержанию и разрушению институтов» [28. С. 215], т.е. пересекалось с понятием «институциональное предпринимательство». Между тем главный объект в исследованиях институциональной работы — привычные организации и их структурные изменения, поэтому в сфере образования это понятие пока мало применялось, хотя отмечается его перспективность для анализа «больших институтов» современности, к которым, безусловно, можно отнести и образование [23]. Еще одно пока недостаточно проработанное направление в исследованиях институциональной работы — анализ механизмов формирования сетей акторов, способных к эффективной трансформации институтов (дополнение к анализу индивидуальных «жизненных миров»).

Учитывая опыт последних месяцев, когда учащиеся школ и студенты вузов оказались в принципиально новых институциональных условиях, можно исследовать их действия с использованием конструкторов институциональной работы и институционального предпринимательства. В качестве базовой гипотезы подобных исследований, в соответствии с постулатами нового институционализма в трактовке Мейера, может выступать предположение о важной роли студенчества в выстраивании новых правил игры и о вариативности возможных форм итоговой институциональной конфигурации — в зависимости не только от особенностей локального структурного контекста в отдельных вузах или регионах, но и от осознанных позиций и интересов самих студентов. Применение идей нового институционализма может оказаться продуктивным для теории и практики образования — для понимания его возможного вклада в становление «трансформирующей агентности». Понятие расширенного действия описывает предполагаемый ключевой принцип, посредством которого система образования стимулирует структурные изменения, а концепты институционального предпринимательства и работы, в свою очередь, характеризуют конкретные механизмы «трансформирующей агентности».

Информация о финансировании

В статье использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

Библиографический список / References

- [1] *Абрамова М.О. и др.* Аналитический доклад «Высшее образование: уроки пандемии»: оперативные и стратегические меры по развитию системы». 2020 / Abramova M.O. et

- al. *Analitichesky doklad "Vysshee obrazovanie: uroki pandemii": operativnye i strategicheskie меры po razvitiyu sistemy* [Analytical report "Higher Education: Lessons from the Pandemic": Operational and Strategic Measures to Develop the System. 2020. URL: http://www.tsu.ru/upload/iblock/аналитический_доклад_для_МОН_итог2020_.pdf. (In Russ.).
- [2] Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005 / Bourdieu P. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
- [3] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990 / Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The protestant ethic and the spirit of capitalism]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow; 1990. (In Russ.).
- [4] Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2005 / Giddens A. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [5] Зобнина М., Коротков А., Рожков А. Структура, вызовы и возможности развития предпринимательского образования в российских университетах // Форсайт. 2019. Т. 13. № 4 / Zobnina M., Korotkov A., Rozhkov A. *Struktura, vyzovy i vozmozhnosti razvitiya predprinimatelskogo obrazovaniya v rossiyskikh universitetakh* [Structure, challenges and opportunities for the development of entrepreneurial education at Russian universities]. *Foresight*. 2019; 13 (4). (In Russ.).
- [6] Кравченко С.А. Метаморфизация общества: фактор «побочных эффектов» и глобализация ничто // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2 / Kravchenko S.A. *Metamorfizatsiya obshchestva: faktor "pobochnykh effektiv" i globalizatsiya nichto* [Metamorphization of society: The factor of 'side effects' and globalization of nothing]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (2). (In Russ.).
- [7] Куракин Д.Ю. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3 / Kurakin D.Yu. *Tragediya neravenstva: raschelovechivaya "totalnogo cheloveka"* [Tragedy of inequality: Dehumanizing "l'homme total"]. *Sociological Review*. 2020; 19 (3). (In Russ.).
- [8] Мозговая А.В. Социальная сфера: вектор изменений, риски и адаптационные ресурсы (по материалам общероссийских мониторинговых исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4 / Mozgovaya A.V. *Sotsialnaya sfera: vektor izmeneniy, riski i adaptatsionnye resursy (po materialam obshcherossiyskikh monitoringovykh issledovaniy)* [Social sphere: Vectors of change, risks, and adaptation resources (the results of all-Russian monitoring surveys)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4). (In Russ.).
- [9] Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7 / Sorokin P.S., Froumin I.D. *Problema "struktura/deystvie" v XXI v.: izmeneniya v sotsialnoy realnosti i vyvody dlya issledovatel'skoy povestki* ["Structure/agency" problem in the 21st century: Changing social reality and research implications]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 7. (In Russ.).
- [10] Сорокин П.С., Черненко С.Е., Повалко А.Б. Обучение предпринимательству в вузах России и мира: зачем, как и с какими результатами? М., 2020 / Sorokin P.S., Chernenko S.E., Povalko A.B. *Obuchenie predprinimatelstvu v vuzakh Rossii i mira: zachem, kak i s kakimi rezultatami?* [Entrepreneurship Education in the Universities of Russia and the World: What for, How and with What Results?]. Moscow; 2020. (In Russ.).
- [11] Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9 / Sztompka P. *Ponyatie sotsialnoy struktury: popytka obobshcheniya* [The concept of social structure: An attempt of generalization]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2001; 9. (In Russ.).
- [12] Alemán J., Woods D. Value orientations from the world values survey: How comparable are they cross-nationally? *Comparative Political Studies*. 2016; 49 (8).
- [13] Baeva L.V. Comparative analysis of values of Russia and Europe in the context of the issues of existential safety. *RUDN Journal of Philosophy*. 2018; 22 (2).

- [14] Bromley P., Meyer J.W., Ramirez F.O. Student-centeredness in social science textbooks, 1970–2008: A cross-national study. *Social Forces*. 2011; 90 (2).
- [15] Deguchi A., Hirai C., Matsuoka H., Nakano T., Oshima K., Tai M., Tani S. What is society 5.0? *Society 5.0*. Singapore; 2020.
- [16] Deguchi A., Kajitani S., Nakajima T., Ohashi H., Watanabe T. From monetary to nonmonetary society. *Society 5.0*. Singapore; 2020.
- [17] DiMaggio P. Interest and agency in institutional theory. L. Zucker (Ed.). *Institutional Patterns and Culture*. Cambridge; 1988.
- [18] DiMaggio P.J., Powell W.W. (Eds.). *The New Institutionalism in Organizational Analysis* (Vol. 17). Chicago; 1991.
- [19] Emirbayer M., Mische A. What is agency? *American Journal of Sociology*. 1998; 103 (4).
- [20] Farrell H. The shared challenges of institutional theories: Rational choice, historical institutionalism, and sociological institutionalism. *Knowledge and Space*. Springer; 2018.
- [21] Fligstein N., McAdam D. Toward a general theory of strategic action fields. *Sociological Theory*. 2011; 29 (1).
- [22] Goldstone J.A., Useem B. Putting values and institutions back into the theory of strategic action fields. *Sociological Theory*. 2012; 30 (1).
- [23] Hampel C.E., Lawrence T.B., Tracey P. *Institutional Work: Taking Stock and Making It Matter*. Sage; 2017.
- [24] Hardy C., Maguire S. Institutional entrepreneurship and change in fields. *Handbook of Organizational Institutionalism*. Sage; 2017.
- [25] Illich I. *Deschooling Society*. New York; 1983.
- [26] King A. Emotion, interaction and the structure-agency problem: Building on the sociology of Randall Collins. *Thesis Eleven*. 2019; 154 (1).
- [27] Kuzminov Y., Sorokin P., Froumin I. Generic and specific skills as components of human capital: New challenges for education theory and practice. *Foresight*. 2019; 13 (2).
- [28] Lawrence T.B., Suddaby R. Institutions and institutional work. S.R. Clegg, C. Hardy, T.B. Lawrence, W.R. Nord (Eds.). *Handbook of Organization Studies*. London; 2006.
- [29] Lerch J., Bromley P., Ramirez F.O., Meyer J.W. The rise of individual agency in conceptions of society: Textbooks worldwide, 1950–2011. *International Sociology*, 2017; 32 (1).
- [30] Meyer J.W. Reflections on rationalization, actors, and others. *Research in the Sociology of Organizations*. Emerald Publishing; 2019.
- [31] Meyer J.W., Jepperson R.L. The “actors” of modern society: The cultural construction of social agency. *Sociological Theory*. 2000; 18 (1).
- [32] Meyer J.W. World society, institutional theories, and the actor. *Annual Review of Sociology*. 2010; 36 (1).
- [33] Nabi G., Liñán F., Fayolle A., Krueger N., Walmsley A. The impact of entrepreneurship education in higher education: A systematic review and research agenda. *Academy of Management Learning & Education*. 2017; 16 (2).
- [34] *Science, Technology and Innovation Outlook*. 2016. URL: <https://www.oecd.org/sti/Mega-trends%20affecting%20science,%20technology%20and%20innovation.pdf>.
- [35] Schofer E., Ramirez F.O., Meyer J.W. The societal consequences of higher education. *Sociology of Education*. 2020. doi: <http://dx.doi.org/10.1177/0038040720942912>.
- [36] Sorokin P. Vision and mission of sociology: Learning from the Russian historical experience. *American Sociologist*. 2017; 48 (2).
- [37] Sorokin P. Making global sociology in the context of neoliberal domination: Challenges, ideology and possible strategies. *Sociological Research Online*. 2018; 23 (1).
- [38] Sorokin P.S. The promise of John W. Meyer’s world society theory: “Otherhood” through the prism of Pitirim A. Sorokin’s integralism. *American Sociologist*. 2020; 51 (4).
- [39] Streib J. The unbalanced theoretical toolkit: Problems and partial solutions to studying culture and reproduction but not culture and mobility. *American Journal of Cultural Sociology*. 2016; 10 (5).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138

“Transformative agency” as an object of sociological analysis: Contemporary discussions and the role of education*

P.S. Sorokin

HSE University

Potapovsky Per., 16–10, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: psorokin@hse.ru)

Abstract. Negative trends of the global social-economic development enhanced by the covid-19 pandemic explain the theoretical and practical relevance of the study of perspectives for structural transformations and their possible sources. In education, this means the need to improve the existing models of institutional practice and to contribute to the development of ‘agency’ that would support positive transformations in all domains of social life. The scientific attention to ‘agency’ and its transformative potential in relation to ‘structures’ is still limited compared to the issues of structures’ reproduction. The so-called ‘new institutionalists’ in sociology (including primarily J.W. Meyer and his followers) provide a promising basis for new theoretical models and empirical studies of the content, factors and effects of ‘transformative agency’. Meyer’s core idea is that social structures can both suppress and support the initiative formation of new social entities and the corresponding new values and modes of action. Further research in education should refer to the concepts of ‘institutional entrepreneurship’, ‘institutional work’ and ‘expanded actorhood’, when using the proposed theoretical framework to empirically study (1) globally and nationally promoted initiatives in entrepreneurship education in universities, and (2) processes of transformation of institutional contexts in education under the continuing global pandemic with an emphasis on the proactive role of students.

Key words: structure-agency; trends of social-economic development; deconstruction; transformative agency; new institutionalism; institutional work; institutional entrepreneurship

Funding

The author uses the results of research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-928).

* © P.S. Sorokin, 2021

The article was submitted on 13.07.2020. The article was accepted on 26.11.2020.